

НОВИНКИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной российской и зарубежной прозе. Руководила

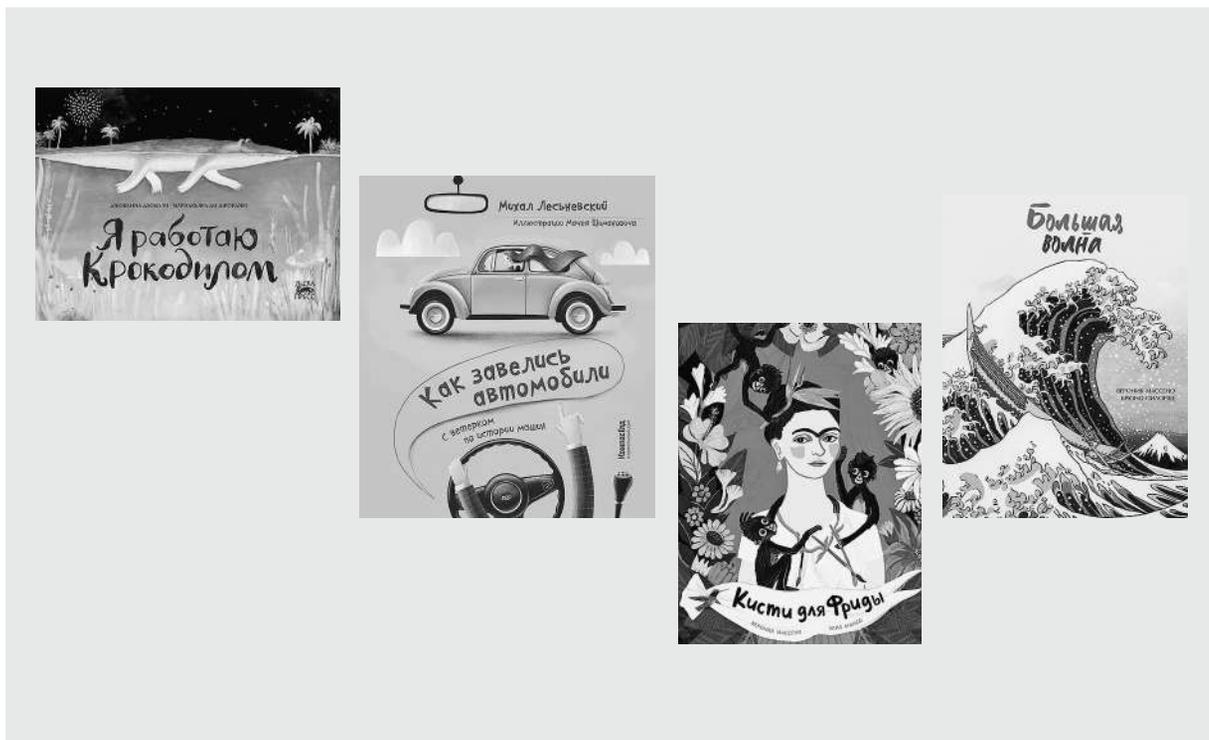
PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной» и начальником отдела общественных связей «Российской газеты». Старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета.

ДЖОВАННИ ДЗОБОЛИ, МАРИНЬЯРА ДИ ДЖОРДЖО, «Я РАБОТАЮ КРОНОДИЛОМ» («ГОРОДЕЦ», «ЛАСКА ПРЕСС»)

Очень милая история без слов, вдохновленная Чебурашкой и Кронодиллом Геной. Вернее, одной строчкой из этой сказочной повести. Номинс о том, как Гена просыпается, собирается и едет в зоопарк работать кронодиллом. Гена — кронодилл предельно социализированный, он спит в кровати и встает по будильнику, но видит во сне родной водоем. Он тщательно выбирает костюм, пальто и шляпу, пьет кофе и выходит на улицу большого города, чтобы добраться на работу. Потому что кто-то работает продавцом, кто-то офисным служащим, а он работает — кронодиллом, то есть практически собой, но все же не совсем. По пути он встречает знакомых и сталкивается с проблемами большого города — часом пик в метро, лужами у тротуаров, и некоторых прохожих обдают водой проезжающие автомобили. Но город состоит не из одних трудностей: в нем есть и свежие булочки из пекарни, и цветы для очаровательной билетерши, и зоопарк, конечно, в котором он, правда, вынужден ходить без одежды и приниживаться довольно глупой рептилией, то есть работая собой, он вынужден притворяться не тем, кто он на самом деле. Прекрасно нарисованная детская история с двойным дном и двойной адресацией.

МИХАИЛ ЛЕСЬНЕВСКИЙ, «НАН ЗАВЕЛИСЬ АВТОМОБИЛИ. С ВЕТЕРКОМ ПО ИСТОРИИ МАШИН» («КОМПАСГИД»)

Двести пятьдесят лет истории автомобилестроения для детей в очень увлекательных рассказах и прекрасных иллюстрациях. А заодно — основные принципы механики и аэродинамики: очень интересный и полезный научпоп. Михаил Лесьневский начинает свой рассказ с дале-



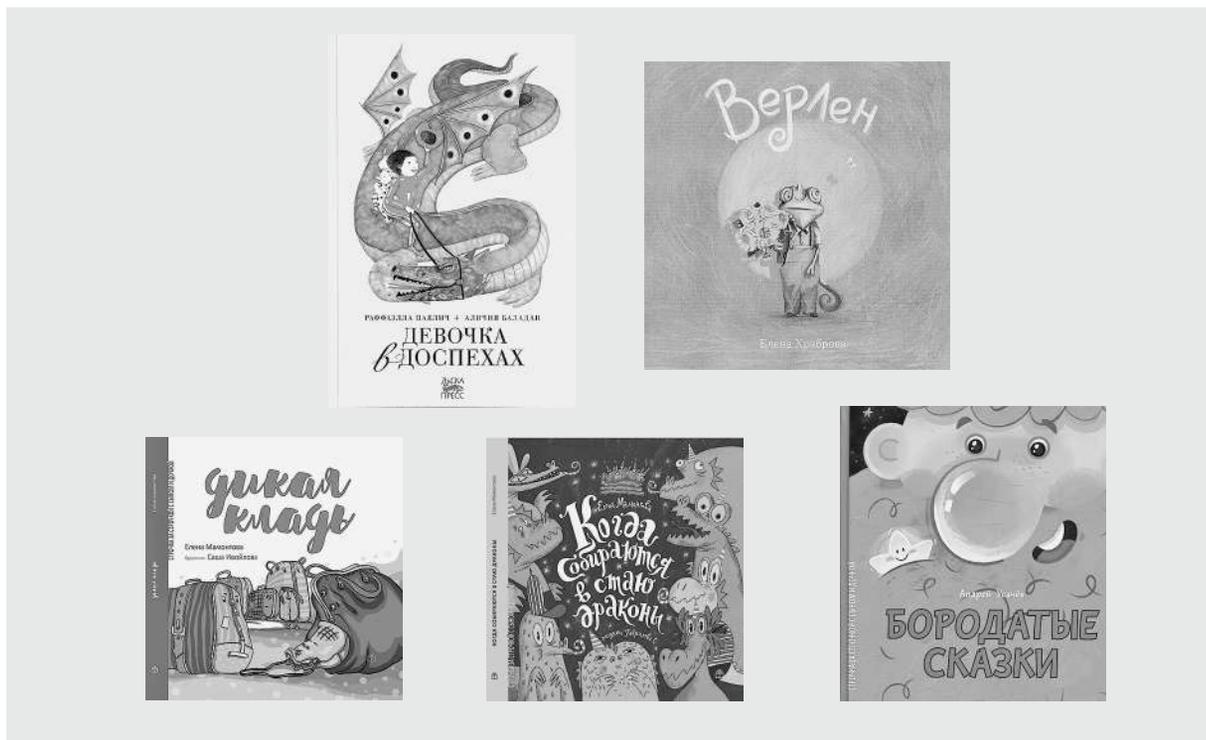
ного 1769 года, когда Николя Жозеф Ньюто собрал первый самодвижущийся экипаж с паровым двигателем, способный развивать скорость 4 км/ч. Правда, торжественная демонстрация его закончилась позором — и первым зафиксированным в истории ДТП. А первое зафиксированное автомобильное путешествие (около 100 км из Мангейма в Пфорцхайм) состоится уже гораздо позже — в 1887 году. Примечательно, что управляла автомобилем женщина — жена изобретателя Карла Бенца Берта.

Есть в этой книге и рассказ о том, как изобрели шины, и какие инструменты приходилось постоянно возить с собой водителю на рубеже XIX–XX веков, и как прошли первые автогонки, а также история дорожных знаков и, конечно, описания самых интересных, редких или, наоборот, популярных моделей автомобилей разных стран и времен.

ВЕРОНИК МАССЕНО, ЭЛИЗ МАНСО,
«КИСТИ ДЛЯ ФРИДЫ» («ПОЛЯНДРИЯ ПРИНТ»)

ВЕРОНИК МАССЕНО, БРЮНО ПИЛОРЖЕ,
«БОЛЬШАЯ ВОЛНА» («ПОЛЯНДРИЯ ПРИНТ»)

Прекрасный арт-проект для детей, знакомящий их с миром искусства. Интересно, что начать автор и издатели решили не с самых ожидаемых художников вроде Пикассо, Ван Гога, Моне или Рафаэля и Микеланджело, а гораздо более нетривиально. В фокус их внимания попали Фрида Калло и Хонусай. Это не история искусства, это не лекции о создании шедевров и о том, как «следует» их понимать. Это книги, вдохновленные всемирно известными картинами. Книга о Фриде Калло кратко рассказывает и ее биографию — и учит не сдаваться и искать себя даже в самых трудных, самых безвыходных обстоятельствах. «Автопортрет с обезьянками»



раскрывает целый сюжет, фокус внимания в котором на какое-то время переносится с художницы на маленькую обезьянку Наимито, которая помогает своей хозяйке и ненадолго становится главной героиней.

Знаменитая гравюра Хонусая вдохновила автора книги на создание истории, написанной белым стихом, в традициях японской поэзии, о семейной паре Ани и Таро, которым море подарило долгожданного наследника. Через историю маленького Наони рассказывается не только о работе Хонусая, но и о культурных традициях Японии, вроде культа морского дракона или праздника Коинобори (праздник детей или «нарп-флаг»).

РАФФАЭЛЛА ПАЯЛИЧ, АЛИЧИЯ БАЛАДАН, «ДЕВОЧКА В ДОСПЕХАХ» («ГОРОДЕЦ», «ЛАСНА ПРЕСС»)

Перед нами притча итальянской писательницы и практикующего психотерапевта Раффаэллы Паялич. В ней рассказывается о маленькой девочке, которая пришла в магазин и тщательно выбирает для себя доспехи. Заинтригованный читатель напряженно вчитывается, пытаясь понять, что же такого опасного ее ждет. Оказывается, ничего особенного: просто взросление и жизнь. Каждый человек в раннем детстве, сталкиваясь с социализацией и общественными институтами, надевает на себя воображаемые доспехи, примеряет те или иные социальные роли. И эти доспехи если и не защищают человека от ударов и боли, то хотя бы немножко смягчают их. Или не позволяют выпустить наши подлинные эмоции наружу. Продавец магазина доспехов говорит, что готов сделать скидку и не брать плату за те дни, в которые девочка не будет носить доспехи. Только вот снимать их девочка не планирует...

ЕЛЕНА ХРАБРОВА, «ВЕРЛЕН»
(«ГОРОДЕЦ», «ЛАСКА ПРЕСС»)

Очень серьезная, хотя и детская история хамелеона Верлена, которому приходилось очень трудно, потому что он не такой, как все. Его обижали сначала в школе, а потом и на работе. Вся его жизнь сводилась к тому, чтобы стать невидимым, слиться с окружающей средой — потому что тогда тебя не замечают, тебя не трогают. История о несчастном существе, которое сначала — вдруг — во многом благодаря череде предшествующих неудач — наконец находит себя и место, где ему по-настоящему хорошо. А потом и вовсе совершает героический поступок. Не ради славы и признания, а потому, что не может поступить иначе, не может позволить злоумышленникам разрушить его идеальный мир. Очень добрая и красивая история о верности себе и настоящих решимости и отваге — и том, как важно не сломаться и найти свое место в жизни.

СЕРИЯ «СТРОЧКА ЗА СТРОЧКОЙ С СЫНОМ И ДОЧКОЙ»
(«НИЖНИЙ ДОМ АНАСТАСИИ ОРЛОВОЙ»)ЕЛЕНА МАМОНТОВА, «ДИНАЯ КЛАДЬ»
ЕЛЕНА МАМОНТОВА,
«КОГДА СОБИРАЮТСЯ В СТАЮ ДРАКОНЫ»
АНДРЕЙ УСАЧЕВ, «БОРОДАТЫЕ СКАЗКИ»

Прекрасная поэтическая серия для детей дошкольного возраста, вдохновленная и составленная известной детской писательницей и поэтом Анастасией Орловой. Прекрасно иллюстрированные книги с очень веселыми, практически «вирусными» текстами, которые запоминаются детьми если не с первого, то со второго прочтения точно. Вот, например, «Нога собираются в стаю драконы» — история о том, как пришедшие в гости дети, пона родители едят и общаются, в детской постепенно превращаются в дракончиков. И не их вина, что они большие и огнедышащие — уцелеть у детской нет ни малейшего шанса, как бы взрослые ни сердились.

*Вот праздничный стол наконец опустел,
И вечер закончен,
И дом уцелел.
Стаканы не бьются,
Шкафы не ломаются,
Драконы к родителям льнут-прижимаются.
Ведут себя тихо, почти безупречно
И смотрятся тоже почти человечно.*

«Диная кладь» того же автора — не менее забавная история о том, как ручная кладь в салоне самолета одичала и тоже стала себя вести совсем по-драконьи. Полет у пассажиров выдался нескучным, но закончилось все, как и положено добрым сказкам, хорошо.

Не нуждающийся в представлениях Андрей Усачев в своих «Бородатых сказках» рассуждает о важности и пользе бороды, которая не только красивая, но и очень функциональная:

*А как славно рыбакам в бороде –
Комары не кусают нигде.
И без прочной и большой бороды
Трудно вытащить сома из воды.*

РЕМИ МАЗЕЛЬ, «ФУ!» («РИПОЛ ДЕТСТВО»)

Сколько же в мире противных, неприятных и неприличных вещей! Иногда кажется, что они существуют только для того, чтобы посмеяться. Но оказывается, это совсем не так! И все-все они для чего-нибудь нужны. Реми Мазель объясняет, зачем животные и люди ходят в туалет и как это используется в природе. Например, шар, который натит перед собой жук-навозник, применяется им очень неожиданно: «Своих малышей жук может посадить в этот шарик, и они никогда не будут голодными. На самом деле жук использует шарик как съедобную детскую коляску. Он берет с собой своих маленьких жучков, а если они проголодаются по дороге, могут заодно и перекусить».

Африканский народ химба строит себе из навоза небольшие дома, а зерна самого дорогого кофе в мире — «Нопи Люван» — как известно, перед обжаркой проходят через небольшого циветту. Собаки знакомятся по запаху, а кошки метят свои особенные места в доме, которые никому нельзя занимать. Все эти — и множество других — фактов позволяют ребенку понять, что в природе нет случайных и ненужных вещей и процессов, и, говоря затертыми фразами, что естественно, то, может быть, и неприлично, но точно не безобразно.

ФРАНК ПАВЛОФФ, «КОРИЧНЕВОЕ УТРО» («НОМПАСГИД»)

Нужно ли в разговоре с детьми избегать сложных тем? Например, фашизма? Может быть, и хотелось бы малодушно смолчать, но говорить на эти темы — надо. Говорить и объяснять. Книга Павлоффа «Коричневое утро», впервые изданная «НомпасГидом» в России в 2011 году, стала поистине культовой и выдержала несколько переизданий. И Россия здесь — не исключение. Крошечная детская новелла уже более двух десятилетий входит в список бестселлеров во Франции (продано свыше двух миллионов экземпляров).

Герои этой книги — два приятеля, на глазах которых меняется режим в стране, когда у власти оказываются Коричневые. Они наблюдают все эти изменения, не пытаясь никак действовать, считая, что если не выделяться, опасности быть не может. Просто нужно молчать и сменить домашних питомцев — на коричневых. Но и это, как оказалось, не дает никаких гарантий: «И даже если вы недавно заменили своего старого питомца на нового — коричневого, это еще не значит, что у вас изменился склад ума, сказали они. <...> И я хорошо запомнил его последние слова. Даже если лично у вас не было несоответствующей собаки или несоответствующего кота, но кто-то из вашей семьи — отец, брат или двоюродная сестра, например, держал такое животное, пусть даже раз в жизни, вы рискуете столкнуться с серьезными неприятностями».

Иллюстрации к русскому изданию — очень соответствующие духу и настроению книги — нарисовал Леонид Шмельнов.

**СЕБАСТЬЯН ПЕРЕЗ, БЕНДЖАМИН ЛАКОМБ,
«КОШАЧЬИ ПРОДЕЛКИ» («ВИЛЛИ ВИННИ»)**

Пятнадцать историй о кошачьих проделках Себастьяна Переза в прекрасном переводе Михаила Яснова с иллюстрациями Бенджамина Ланомба — это уникальное комбо: три мастера своего дела сделали книжку о котиках, не поддаваясь обаянию невозможно. Один из котов



мечтает о покорении вершин и карабкается на самые верхние ветки дерева, другой пытается целиком уместиться в небольшой корзинке, третья не всегда удачно охотится на насекомых, а четвертый — с говорящим именем Моцарт — бегаёт по клавишам фортепьяно. Через придумывает связанные с котами легенды, например, о появлении традиционных японских статуэток манэки-нэно, которые ставят при входе в лавки гадалок, магазины и рестораны, чтобы приманивать удачу.

«Ношачьи проделки» — это иллюстрации, которые хочется разглядывать, и тексты, которые с равным удовольствием читают и взрослые детям вслух, и сами дети.

САРА ВЕЛЬК, СЕРИЯ «Я И МОИ КЛЕВЫЕ БРАТЬЯ»: «ПОМОГИТЕ, СБЕЖАЛ ПЫЛЕСОС!» И «ОПЕРАЦИЯ “ПЕРЕЕЗД”» («СТРЕКОЗА»)

Веселые книги для самостоятельного чтения: легкий и увлекательный сюжет, хорошие иллюстрации, крупный шрифт. Три брата — Генри, Бела и Бен — живут очень нескудной жизнью. У них миллион веселых игр и совсем «взрослых» занятий вроде поиска вора, укравшего кассу в киоске Лоло, который торгует фигурками монстров. Или поиска сбежавшего робота-пылесоса: его вывел на улицу дрессировать Бен, но случайно упустил. Или и вовсе поиска новой квартиры — побольше, а то родители почему-то совершенно не собираются нигуда переезжать.

Если вы ищете назидательную литературу с четко проговоренной моралью, эта серия точно не для вас. А вот в поисках легкой, доброй, очень смешной и увлекательной истории не проходите мимо: у детей младшего школьного возраста книги вызывают огромный интерес и читаются запоем и везде: в транспорте, за обедом, на ходу и перед сном.



ЕВГЕНИЯ ЧЕРНЫШОВА, «КАК ПОЙМАТЬ ТИШИНУ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ ПРО УЛЬКУ» («КОМПАСГИД»)

Проза Евгении Чернышовой — писателя, переводчика, лауреата Норнейчуковской премии — идеально подходит для чтения взрослыми детям вслух. Дети узнают в этой прозе себя, свои чувства и эмоции, а родители вспоминают свое уже немного подзабывшееся детство. Героиня этого сборника — шестилетняя Улька, жизнь которой полна чудес и приключений. Месяц лета — это очень, очень долго, когда тебе всего шесть: в него столько всего может уместиться. Шесть лет — это год до школы, это время любопытства и миллиона вопросов, которые можно задать родителям, но лучше найти ответы самостоятельно, потому что личный опыт гораздо интереснее. Поэтому надо устроить демарш в детском саду, чтобы поставили в угол, в котором все наказанные отколупывают и едят мел, или оставить божью коровку зимовать в спичечном коробке, чтобы выпустить весной посмотреть весь мир, или познакомиться с таинственной Панацеей, которая, говорят, лечит от любых болезней — даже синяков. Евгении Чернышовой удаются оригинальные, неожиданные сюжеты из типичного, всеми узнаваемого детства, а еще — очень искренняя и взрослая интонация в разговоре с детьми. Дети ее улавливают безошибочно — и поэтому доверяют автору абсолютно.

ДАГМАР ГАЙСЛЕР, СЕРИЯ «ЧЕРНИЛЬНЫЕ ЗАМАРАШКИ»:
«НОЧЬ В БИБЛИОТЕКЕ», «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПИРАТСКИЙ
КОРАБЛЬ» («СТРЕКОЗА»)

Немецкая писательница и художница Дагмар Гайслер знает детей как мало кто. Она ведет группы по арт-терапии и помогает младшим школьникам прорабатывать через рисунки разные жизненные ситуации. Видимо, поэтому дети в ее книгах такие живые и настоящие, а картинки — такие притягательные. «Чернильные замарашки» Гайслер не только написала, но и проиллюстрировала, а перевела на русский уже знааномая нам по книге про Ульну Евгения Чернышова. В этих книгах иллюстрации и текст прекрасно дополняют друг друга, создают уникальную атмосферу и настроение. Эти повести — о приключениях учеников 3 «А» класса, которых называют «чернильными замарашками». Каждый ребенок здесь — совершенно живой герой, в которого веришь, не просто сюжетная функция или условный типаж. Они далеко не всегда сходятся во взглядах, да и поступают не всегда «правильно», но именно поэтому в них веришь безусловно. Гайслер искренне и правдоподобно изображает не только микромир отдельно взятого класса, но и взаимоотношения этого микромира с миром взрослых — учительницы или библиотекаря. Очень легко и увлекательно читающиеся, но при этом совсем не легковесные книги — хорошая современная детская литература.



НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ НОН-ФИКШЕН

ДЖОН СЕЛЛАРС, «ФИЛОСОФИЯ БЕЗМЯТЕЖНОСТИ. ТЕТРАФАРМАКОС ЭПИКУРА» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

Преподаватель философии Лондонского университета и младший научный сотрудник Колледжа Вольфсона (Оксфорд) Джон Селларс написал небольшую, но очень важную и интересную книгу об эпикурейской философии. Согласно расхожему мнению, эта философия базируется на принципах гедонизма и ставит во главе всего наслаждение. Но есть нюанс. Дело в том, что наслаждение Эпикур понимал совсем не так, как может показаться на первый взгляд, смысл его учения — в привычке довольствоваться малым и отназе от лишнего — атарансии, или безмятежности. Селларс подробно объясняет суть учения Эпикура — тетрафарманоса (четвероленарствия), рассказывает, в чем была суть разногласий между стоиками и эпикурейцами («Если стоики выступали за воспитание добродетели и считали, что природа устроена разумно и в ней царит порядок, то эпикурейцы отстаивали идею удовольствия и видели окружающий мир порождением случайности и хаоса»), и наконец подводит нас к главе с интригующим названием «Объяснение всего».

Тетрафарманос — это принципы эпикурейской философии: не нужно бояться богов, не нужно беспокоиться о смерти, благо в отказе от лишнего и наносного легко достижимо, а зло легко переносимо.

Изменить общество при помощи разума невозможно, и зло непобедимо. Задача истинного философа — научиться не замечать хаос и обрести гармонию. Как тут не процитировать блерб Ленина на роман Горького «Мать»? «Очень своевременная книга».



ВИКТОР ФРАНКЛ, «О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

В эту книгу вошли впервые публикуемые на русском языке три лекции, которые всемирно известный психотерапевт и философ прочитал в 1946 году в Народном университете Вены. Вопрос о смысле жизни — ключевой для жизненной философии Франкла, основателя логотерапии (исцеления смыслом) и Третьей венской школы (после психоанализа Фрейда и индивидуальной психологии Адлера). В 1942 году Виктор Франкл с семьей были депортированы в концентрационный лагерь Терезиенштадт, где он вел тайную работу с заключенными, помогая им преодолеть первоначальный шок и поддерживая на ранних этапах пребывания в лагере. От того, сможет ли узник обратиться к смыслу жизни, зависел результат психотерапии. По мнению Франкла, в стрессовых ситуациях вопрос, который нужно себе задавать, звучит не как «Чего я хочу от жизни?», а как «Чего жизнь хочет от меня?». По сути, это и есть цель, ради которой стоит жить, тот самый образ будущего, который есть, например, в лагерной прозе Солженицына и которого нет у Шаламова. Концлагерь — ужасающий опыт, который обнажает человеческую самость и позволяет встретиться с самим собой, эта встреча зачастую пугает, но она необходима. «Удовольствие само по себе никоим образом не может придать смысл бытию... Счастье не может, не должно и не смеет быть целью, оно лишь последствие».



РАССЕЛЛ ДЖОНС, «КАК РАБОТАЮТ НАШИ ЧУВСТВА» («СИНДБАД»)

Помните бессмертную цитату из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»: «Бодры» надо говорить бодрее, а «веселы» — веселее»? Вот книга Джонса именно об этом: как веселье сделать веселее, еду — вкуснее, запахи — ярче, а физические упражнения — легче. И все это при помощи сенсорики. Эта книга, по сути, и есть сборник сенсорных рецептов по улучшению повседневного качества нашей жизни. Почему даже дешевое вино, которым мы наслаждаемся в отпуске, кажется нам приятным и вкусным? А в повседневной рутине мы чувствуем совсем иной вкус: «Вино осталось точно таким же; это все остальное изменилось. Вы уже не расслабляетесь в приятном тепле послеполуденного провансальского солнца. Вас больше не окружают те звуки, запахи и краски, которые создавали очарование, отложившееся в памяти; а ведь именно окружающая обстановка и эмоциональное состояние изменили тогда ваше восприятие и сделали вино таким вкусным». Случайные на первый взгляд факторы меняют наше восприятие тех или иных вещей: цвет кружки может влиять на вкус напитка, а цвет стен в комнате — на ощущение времени. Хруст вафельного рожка с мороженым воспринимается нами только на слух — если мы не слышим его, значит, он не хрустит. Джонс показывает, как с помощью вполне нехитрых действий можно создать себе более комфортные условия жизни и добиться более ярких ощущений. Наши органы чувств работают комплексно: осязание оттеняет вкус, а зрение — запах. Если их задействовать в едином синестетическом восприятии, чувства способны усиливать друг друга — это называется супераддитивным эффектом. Рассел Джонс показывает, как им можно пользоваться.

САРА БЪЯЗИНИ, «МОЯ НЕБЕСНАЯ КРАСАВИЦА.
РОМИ ШНАЙДЕР ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ»
(«РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Не столько автофикшен, сколько исповедь французской антрисы Сары Бьязини, которую она пишет для своей дочери Анны, рассказывая ей о собственной матери — кинозвезде Роми Шнайдер. Она умерла, когда Саре было всего пять, потеряв за год до этого своего четырнадцатилетнего сына. Эта книга — не сведение счетов, как это часто бывает (вспоминается «Моя мать Марлен Дитрих» Марии Рива), и не байопик. Это неспешный и очень искренний путь к себе: здесь и воспоминания, и размышления о матери и о ролях и сценариях, и отповедь сплетникам, и разговор с совсем маленькой дочкой. Книга, которую равно интересно будет читать и поклонникам Шнайдер, и тем, кто мало о ней знает, — в этом случае это будет начало пути знакомства с многочисленными ее ролями.

Составитель серии «На последнем дыхании», в которой вышла книга, Сергей Николаевич пишет: «Книга Сары Бьязини — образец “новой чувствительности” в современной литературе. Открытые эмоции отныне не в почете. Все резкости намеренно приглушены. Никаких жестких противопоставлений. Все построено на полутонах. Ключевые слова — “деликатность”, “сдержанность”. И в этом тоже слышится тайная полемика со страстями, которыми были переполнены фильмы и жизнь ее матери. Почти ничего земного, все только небесное».

ЧАРЛЬЗ ХАРРИС, «ПИТЧ ВСЕМОГУЩИЙ»
(«АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

Практическое руководство по подготовке и проведению питчингов, которое поможет избежать типичных ошибок новичков и доказать, что ваш сценарий достоин экранизации. Автор — английский писатель и сценарист с большим опытом — рассказывает о том, что самого по себе блестящего и проработанного сценария недостаточно, потому что за несколько минут его трудно оценить адекватно. Даже идеальный сценарий нуждается в качественном, кратком и интересном представлении. Фактор случайности, конечно, никто полностью исключить не может, но все-таки у человека подготовленного гораздо больше шансов на успех в этом деле. Как представить проект художественного фильма и чем он отличается от питча документального проекта? Как правильно написать сценарную заявку? Как выйти на контакт с продюсером? Как реагировать на вопросы и замечания? «Питч всемогущий» поможет вам четко понять алгоритм действий и тем самым снимет как минимум половину поводов для волнений и сомнений на этапе подготовки: «Много лет тому назад, как гласит предание, два сценариста вошли в офис продюсера в Голливуде и продали сценарий, сказав всего три слова: “Челюсти в носмосе”. Сценарию суждено было стать блонбастером под названием “Чужой” (Alien), а этот случай вошел в мифологию Голливуда как идеальный питч».

НОВИНКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

МАЛИНА ФЕРДЖУХ, ТРИЛОГИЯ «МЕЧТАТЕЛИ БРОДВЕЯ» («НОМПАСГИД»)

После «Ужина с Нэрри Грантом» и «Танца с Фредом Астером» вышел «Чай с Грейс Нелли». Так что если вам близка эстетика послевоенного Нью-Йорка, Бродвея, джаза и кино, «Завтрака у Тиффани» и «Всего этого джаза», вас ждет 1400 страниц чистого удовольствия. Истории людей, мечтающих о славе — антерсной, танцевальной, модельной. Атмосфера послевоенного мира, кажется, таит в себе безграничные возможности. А еще — диалоги, множество диалогов и минимум описаний, романы Малики Ферджух — это практически пьесы, в которых ничего не «объясняется», а все происходит прямо на глазах у изумленной публики. Главное — успеть, не выпасть из вихря событий и впечатлений. В первом романе один из главных героев — семнадцатилетний Джослин — приезжает в Нью-Йорк и случайно оказывается в женском пансионе «Джибуле», где его окружают яркие и взбалмошные девушки, мечтающие о счастье. Эти романы полны аллюзий на золотую классику голливудского кинематографа, а названия глав — песни того времени, позволяющие включить дополнительные органы чувств при чтении.

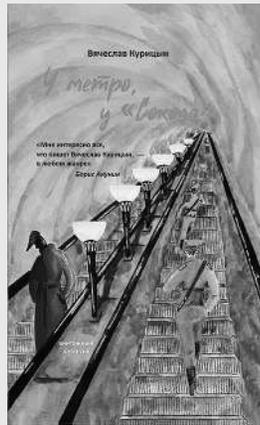
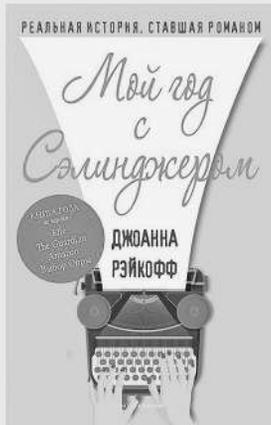
Герои — старшие подростки или совсем молодые люди, которые уже живут отдельно от семей и сами зарабатывают себе на жизнь, не предавая мечту, и потому «Мечтатели Бродвея» — это еще и романы воспитания. Путь героев не будет простым: пианист Джослин вынужден работать лифтером, танцовщица Манхэттен — ассистентной по костюмам, антриса Пейдж играет в радиоспектакле и остается невидимкой, а Грейс Нелли, головокружительная карьера которой еще на самом старте, может только мечтать о независимости. С первого раза получится не у всех, но недаром Нью-Йорк — это город возможностей.



ДЖОАННА РЕЙНОФФ, «МОЙ ГОД С СЭЛИНДЖЕРОМ» («РИПОЛ КЛАССИК»)

Роман в жанре автофикшен американской писательницы и мемуаристки, повествующий о годе работы в одном из старейших литературных агентств Нью-Йорка Harold Ober Associates. Книга, приоткрывающая перед читателем мир издательского процесса и показывающая его человеческое лицо. В этом литературном агентстве в конце 1990-х царят глубокие восьмидесятые: документы печатаются на машинке, а интернет и вовсе под запретом. Зато сюда звонят и приходят настоящие легенды современной литературы, например, детская писательница Джуди Блум, автор «Питера Обыкновенного», или... Сэлинджер. Молодая ассистентка должна отправлять стандартный ответ на сотни писем поклонников знаменитого затворника, но в некоторые из этих историй трудно не вовлечься — и она вступает в переписку с этими людьми, на которых повлияли роман «Над пропастью во ржи» или «Девять рассказов». Для нее сначала возникает Сэлинджер-легенда, потом Сэлинджер-человек, и только спустя год работы она со страхом открывает для себя Сэлинджера-писателя. Это роман о поиске себя и своего предназначения, о попытках осознать, что по-настоящему нужно тебе самому, когда судьба, кажется, складывается вполне определенным образом, и том, как литература способна изменить жизнь не только писателя, но и миллионы людей по всему миру.

«Назалось, в моей жизни теперь не существовало ничего и никого, кроме Сэлинджера; она превратилась в цитату из рассказа "Голубой период де Домье-Смита". Рассказчик, учитель заочной художественной школы, где обучение ведется по переписке, пишет письмо своей талантливой ученице и рекомендует ей купить хорошие масляные краски и кисти



и посвятить себя живописи. «Занятия искусством не принесут вам много бед; худшее, что может случиться, — вы будете постоянно испытывать легкое недовольство жизнью». Могла ли я допустить, чтобы со мной случилось то же самое? Готова ли я была постоянно испытывать легкое недовольство жизнью?»

ВЯЧЕСЛАВ НУРИЦЫН, «У МЕТРО, У «СОКОЛА»» (LIVEBOOK)

Неожиданный детективный роман от известного литературного критика эпохи 1990-х — дань канону советского детективного романа. Этот текст на первый взгляд действительно словно перенесен в настоящее из 70-х годов прошлого столетия. Но только на первый взгляд. Потому что на каждой его странице скользит едва уловимая, но столь популярная сейчас метаирония — не с целью деконструкции или обличения, скорее, с целью надстраивания дополнительного яруса смыслов для читателя вдумчивого и внимательного.

Детектив — это прекрасное упражнение в жанре для человека, видящего сюжетный и структурный скелет литературного произведения, а ретродетектив — это возможность избежать слегка навязшей в зубах повести и актуалочки.

Упражнение в жанре определенно удалось: загадка придумана, интрига создана уже на первых страницах, герои вызывают симпатию и интерес, сложная детективная система не просто работает, но живет по своим законам — и вот перед нами возникают районы Динамо, Сокола, Аэропорта в позднесоветское время. В интервью Владиславу Толстову для «Лабиринта» Вячеслав Нурицын рассказывает: «Один мой друг, прочитав книгу, даже пеняет мне за это: ламповый текст о сомнительной эпохе.

Мало хорошего можно объективно сказать о советских семидесятих. А ведь у меня не только “ужасные злодеяния”, как вы выразились, описаны, но и грустная повседневная жизнь, две коммуналки, бедные люди, дефицит, двуличие... Однако ностальгическая интонация все это побеждает. <...> Я писал об эпохе, в которой лично мне было хорошо. Потому и писал о ней: это все то же бегство от реальности».

МАТИАС ЭНАР, «ЕЖЕГОДНЫЙ ПИР ПОГРЕБАЛЬНОГО БРАТСТВА» (POLYANDRIA NO AGE)

В новом романе известный французский писатель, исследователь и переводчик, лауреат Гонкуровской премии Матиас Энар вновь поражает читателя сложно организованным, интертекстуальным, тонким, но при этом очень смешным романом. В нем почти тридцатилетний аспирант-антрополог едет из Парижа изучать французскую глубинку и селится в небольшой деревне Пьер-Сен-Кристоф. Начинается роман как обычный дневник молодого человека, фиксирующего мало чем примечательные события: встречи с разными людьми, прогулки, план исследовательской работы, борьба с обитающими дома улитками и червяками. А на фоне этого перед нами разворачивается масштабное полотно исторических, экономических и социальных связей региона. И к середине романа к голосу рассказчика добавляется целый хор разных, временами весьма странных голосов местных жителей. Из спокойного повествования мы вдруг перемещаемся в раблезианский хронотоп, где души персонажей меняют тела (душа аббата переселяется в новорожденного кабана), где юноша с ментальными расстройствами становится провидцем (традиция юродивых), а мэр сельского поселения оказывается не только Вергилием, открывающим герою мир болот Пьер-Сен-Кристофа, но и директором похоронного бюро. Вся эта вереница персонажей являет нам неумолимое и неостановимое колесо Сансары, выйти из которого оказывается невозможным.

«Вернулся домой и уже подумывал отменить ужин с мэром Марсьялем — больше всего хотелось сидеть с котами в тепле и читать (и жрать разогретую в микроволновке фасоль), — но не успел: раздался стук в окно. Я чуть не умер от страха, да тут признал народного избранника-гробовщика, который решил — вот те на! — забрать меня из дома. Так что пришлось ехать к нему ужинать (он даже отвез меня назад). Тоже опыт. Очень стыдно: не смог съесть закуску. Запеканка из куриной крови. Господи, видела бы это мама, сразу бы в обморок упала. Плотный, гладкий блин накашечного цвета — я только попробовал, — малость железом отдает. (Поневоле вспомнил профессию хозяина и содержимое его холодильников — жуть!) Есть кровь! Просто мурашки по коже. Во всяком случае, этот примитивный предок черного зельца здесь называется “санкет”, и я с ностальгией вспомнил Арьеж. “Очень просто готовить!” — сказала Моник. Отрезаем курице голову, кровь стекает в миску. А потом запекаем. Ага-ага. Марсьяль и его жена Моник хотели познакомить меня с местными деликатесами, и тут я их слегка подвел, но потом реабилитировался, оценив по заслугам вкуснейший паштет с прянощами, который здесь просто называют “фаршировкой” (мангольд, щавель, шпинат, яйца, шкварки, специи — взять на вооружение!), и белую фасоль, так называемый “Болотный может”. (Съесть вместо моей банки фасоли их “Можётт”, в общем-то, что в лоб, что по лбу. Опасная тут почва



в плане жратвы.) Не так чтобы сильно изысканно, но калории зашкаливают. “А зайти вы неделю назад, — сказал Марсьяль, — были славные дрозды”. Но в такой мороз кто пойдет на охоту. Да, можно сказать, чудом пронесло. Это напомнило мне ягненочка из Монтайю, которого я по неведению обрек на смерть, — пастух сказал, чтоб я выбрал ного-нибудь из стада, и я показал на самого кроткого, не зная, что назавтра снова увижу его за обедом — уже на вертеле».

РОНИ ЛАРРАКИ, «КОМЕМАДРЕ» (POLYANDRIA NO AGE)

По-настоящему жуткий в своей правдоподобности триллер от испанского писателя Рони Ларраки, сына психиатра, клиника которого находилась в доме, где жила семья врача. Увиденное, а точнее будет сказать, насмотренное в детстве превратилось в пугающий и достоверный роман о границах науки и этики, медицины и религии.

Начало XX века. Клиника «Темперли» обещает неизлечимо больным пациентам чудодейственную сыворотку, которая спасет их от смерти. Отчаявшиеся люди идут на все ради сохранения жизни, но получают плацебо и сокрушенные вздохи врачей: индивидуальная особенность организма — сыворотка не действует. Обычная мошенническая схема ради наживы на умирающих? Конечно, но лишь отчасти. Никто не знает, что «Темперли» — тайная лаборатория для проведения запрещенных медицинских экспериментов на (пока еще) живых людях. Отчаявшиеся окончательно, многие из них соглашаются перед смертью послужить науке: есть теория, что обезглавленное тело еще 9 секунд сохраняет сознание. Врачи клиники решают узнать, что чувствует человек в эти 9 секунд. Для этого нужно всего лишь отрубить голову так, чтобы речевой аппарат оставался невредимым. А растение комемадре

с Огненной Земли позволит избавиться от множества трупов людей, согласившихся на эксперимент...

Вторая часть романа отделена от первой целым столетием — здесь, в начале XXI века, действует правнук одного из врачей клиники Себастьян и его бывший возлюбленный, энзальтированный художник, завещавший мумифицировать свое тело и превратить его в арт-объект. Та же дилемма, то же противоречие между наукой, искусством и этикой возникают перед нами, но совершенно под другим углом зрения. И снова в центре внимания вопрос о пересечении границы между жизнью и смертью. А дневник прадеда Себастьяна, доктора Нинтаны, помогает сюжетно связать две романские линии воедино. Сильная, хлестная, провокационная психологическая проза.

ОЛЬГА КРОМЕР, «ТОТ ГОРОД» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Роман в жанре альтернативной истории, напоминающий подходом к работе с историческим материалом прозу Владимира Шарова. Тот случай, когда, по словам Джулиана Барнса, «писатель говорит правду через ложь, в то время как все другие лгут, говоря правду». Роман охватывает период с 30-х до 80-х годов прошлого столетия. Старшеклассник Андрей знакомится с женщиной Ольгой Станиславовной, которую все зовут Осей, и узнает, что она провела семнадцать лет в лагерях. Рассказывая о своей жизни, Ося раскрывает мальчику тайну, которую пронесла через всю жизнь: в тайге есть тайный город, основанный теми, кому удалось сбежать из лагерей. Об этом месте Осе когда-то рассказала в тюрьме женщина, но Ольга Станиславовна так и не отправилась на его поиски, а ее друзья — нашли. И не вернулись. Теперь его может найти Андрей. «Тот Город» — роман о встрече советского мальчика с людьми, которые почти полвека живут в отрыве от окружающей социально-политической реальности, о том, как сила духа и жажда жизни вступают в борьбу с государственной машиной, о стойкости и любви в античеловеческих условиях, о том, как частное вступает в борьбу с общим.

«Берегите свою душу. Не опускайтесь. Ниюгда ничего не просите. Требуйте, настаивайте, пользуйтесь, если возможно, но не выпрашивайте. Не унижайтесь. Человек способен выдержать многое, если он душевно здоров. Никакая пайка не стоит душевного надлома. Но и пустая гордость не стоит дополнительной пайки, дополнительной возможности провести день в тепле».

САША НИКОЛАЕННО, «МУРАВЬИНЫЙ БОГ» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Лето. Мальчик живет в деревне с бабушкой. Максимально простая и максимально понятная завязка для романа, мгновенно вызывающая в памяти мириады обрывков воспоминаний, чувств, впечатлений. Саша Николаенно умеет воздействовать прямо на читательское подсознательное, ловить его внутренние вибрации и создавать удивительную ритмическую прозу, которая работает с ними в унисон. Это роман о детстве, которое оказывается беззащитным перед обвиняющей старостью: бабушка, ругая мальчика, вновь и вновь обвиняет сироту в гибели его родителей. Николаенно создает роман-матрешку. Мальчик Петруша —

царь и демон мира насеномых — он волен казнить и миловать, давить или щадить. Но его жизнь, его детство в свою очередь зависят от взрослого — бабушки. На этой иерархии построен текст, и она же выносит события романа за пределы текста, в большой мир. Несмотря на трагичность описываемого в книге, она удивительным образом несет в себе не очерствение, а надежду; не тьму, а свет. И это означает, что детство — с его надеждами, дружбой и солнцем — все-таки побеждает.

«Чирикая, стуча, мыча, бренча, жужжа и лая, день погружался в сумерки протопленной наленим зноем ночи; меж флонсами проплыл Добжанский кот; фиалки раскрывали синие глаза, дышало ими. Низко, неподвижно над почерневшими бархотками висели тучки мошарья. Открылись звезды. Авиалинии чертили меж небесных свои короткие меловые пути, и синева развеивала их и превращала в перья от гигантских нуриц.

Петруша посмотрел на небо. Две белых полосы, очерченные отблеском заната, пересеклись и постепенно растворились в глубине над ним.

В саду запахло колдовским и тайным, все ближе на тропинку выползали тени из цветов; лягушка — шлеп из-под ноги ожившей темнотой, и ужас остановит сердце. Все тише голоса старух, присевших лавочкой у дома, как будто с каждым шагом уменьшался звук, как ручку радио крутить».

АЛИССА НАТТИНГ, «СОЗДАНЫ ДЛЯ ЛЮБВИ» («ЛАЙВБУН»)

Брак с эксцентричным гением-мультимиллионером предполагает изоляцию от общества. Героиня романа «Созданы для любви» Хейзел бежит от мужа, который подчинил свою жизнь высоким технологиям и в стремлении контролировать свою жену задумался о вживлении ей в мозг чипа для чтения мыслей. Сбежав, Хейзел укрывается в трейлере у почти восьмидесятилетнего отца и его силиконовой женщины. Но отец совсем не в восторге от нового соседства: он убеждает дочь, что измены, абьюз и прочие странности вполне можно стерпеть от очень (нет, не так: очень-очень-очень) богатого мужа.

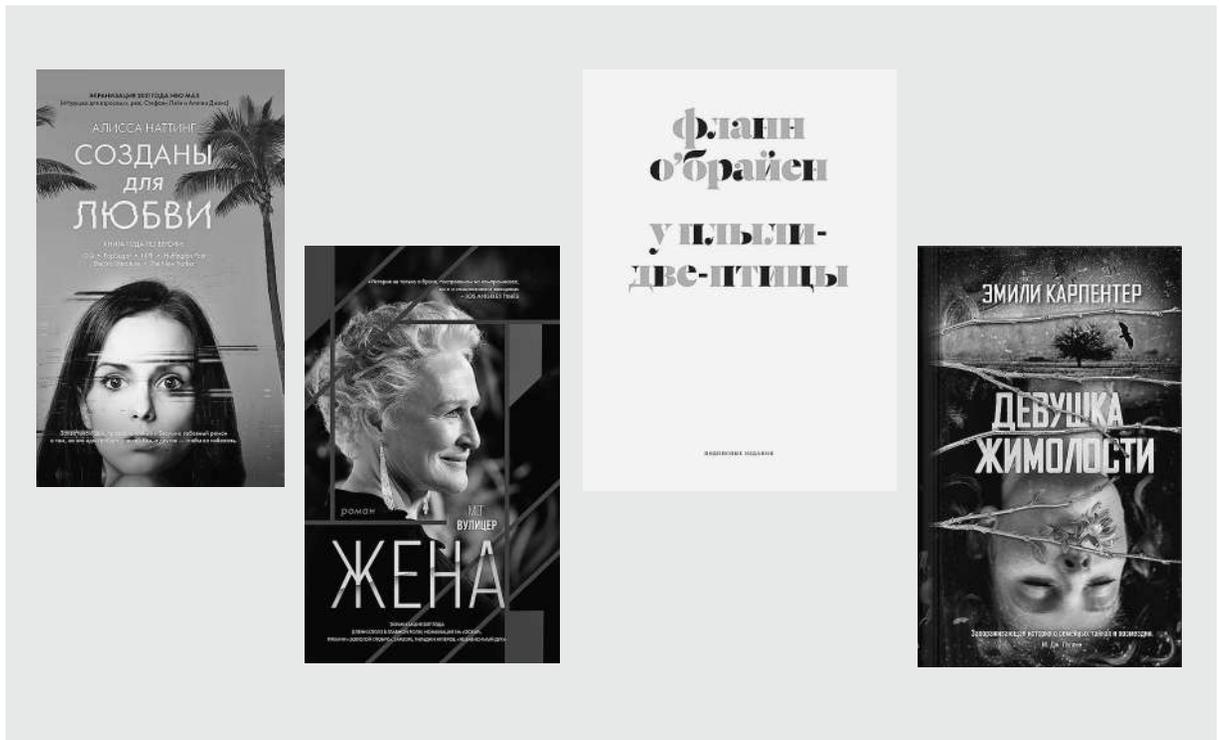
«— Типа того. Как файлообменник. Чип у меня в голове соединялся бы с чипом в его голове и наоборот. Мы бы слились в одно. Первая в истории пара, соединенная нейросетью.

— Боже. И этим сейчас занимается молодежь? Как хорошо, что я уже по дороге на выход. Слияние мозгов. Не для меня. Мы с твоей мамой даже к французским поцелуям относились с подозрением».

После десяти лет изоляции и тотального контроля Хейзел наконец обретает свободу физическую, но получится ли у нее избавиться от страха преследования? Обманчиво легкий, написанный с тонким юмором роман на очень серьезные темы свободы личности, отношений в семье, личного выбора, абьюза и психологического насилия, психологических и сексуальных девиаций — и многие другие.

МЕГ ВУЛИЦЕР, «ЖЕНА» («ЛАЙВБУН»)

Один из важнейших феминистских романов нашего времени, который лег в основу фильма с Гленн Клоуз в главной роли. Джоан Настельман много лет живет в тени своего гениального мужа — писателя Джозефа Наслмана. Даже имена — максимально похожие — Джо и Джоан — словно



созданы для того, чтобы сделать жену невидимой, приложением к знаменитому мужчине. Терпению и смирению Джоан приходит конец внезапно — в бизнес-классе самолета, который везет супругов на вручение Джозефу Нобелевской премии по литературе. Казалось бы, не совсем подходящий момент для принятия таких решений. Но у этого сорокалетнего брака, как у любого долгого и бурного брака талантливых людей (а то, что талантливы тут оба, сомневаться не приходится), есть свои тайны. Нание скелеты скрывают в своем шкафу супруги, читателю только предстоит узнать. Но это — лишь одна из сюжетных приманок, даже если благодаря фильму сюжет вам знаком, роман стоит прочтения. Это книга о природе творчества и подлинном таланте, а также патриархальной инерции общества, которое готово признать настоящий гений только за мужчинами; о воспитании и нормах поведения, закладываемых в раннем детстве, а еще о смелости и верности себе и своему призванию: «Я знала, что талант не исчезает с лица Земли просто так, не разлетается на частицы и не испаряется. У него долгий период полураспада; возможно, в конце концов я смогу им воспользоваться. Смогу взять частицы всего, что видела и делала, всего, что у нас было, и сотворить из них что-то подлое или прекрасное, полное любви или сожаления, и, может быть, даже подписать это своим именем».

ФЛАНН О'БРАЙЕН, «УПЛЫЛИ-ДВЕ-ПТИЦЫ» («ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»)

Новый, максимально близкий к оригиналу и комментированный перевод одного из главных ирландских романов XX века. Мы все знаем «Улисс» и тексты Оскара Уайльда, но имя Фланна О'Брайена незаслуженно в тени для российского читателя. Меж тем роман, увидевший свет в 1939 году

благодаря Грэму Грину, нашедшему его в самотене, включен The Guardian в список 100 лучших англоязычных романов всех времен. Среди поклонников этого текста Хорхе Луис Борхес, Энтони Берджесс и Джеймс Джойс (любопытно, что в этом романе множество аллюзий и на «Улисс», и на «Дублинцев»).

Некий студент-литератор рассказывает нам три истории: о Пуне Манфеллими, «представителе бесовского класса», Джоне Ферриски, который оказывается выдуманной автором вестернов, и Финне Мак-Нуле, легендарном герое Ирландии. Связывает все эти разрозненные истории линия самого студента-нарратора. Роман подробно исследован литературоведами и разъят на множество слоев и вложенных в него культурных пластов: это литературная головоломка, которую приятно разгадывать неспешно, с обязательным чтением комментариев. Роман, маскирующийся под модернистский, на самом деле намного обогнал свое время: переводчик Шаши Мартынова называет его постпостмодернистским романом-балаганом: «Энн Нлиссмен, одна из первых исследователей текстов О'Брайена, насчитала в романе около тридцати шести разных литературных стилей и сорок два включения сторонних текстов. Соединив все это многоголосье в слитную фантазмагорию, О'Брайен ухитрился выстроить причудливый лабиринт, где читателю предоставляется ловить отголоски и отблески целой литературной эпохи, в которой довелось жить автору».

ЭМИЛИ НАРПЕНТЕР, «ДЕВУШКА ЖИМОЛОСТИ» («СИНДБАД»)

Готический роман о родовом проклятии, передающемся по женской линии — роман-метафора: за ошибки отцов (здесь — матерей) приходится расплачиваться их детям. Накануне своего тридцатилетия героиня узнает, что их семья проклята: женщины внезапно умирают в тридцать, и причины этого никому неизвестны. Надо сказать, жизнь Алтеи Белл и без этого знания была далекой от безмятежности: ранняя потеря матери, равнодушный отец, который теперь при смерти, брат с женой, выставившие ее из родного дома, борьба с зависимостью в реабилитационном центре. И все же просто сдаваться смерти она не намерена. Попытки докопаться до истоков зла приводят ее — а вместе с ней и читателя — к истории ее прабабушки Джин в тридцатые годы прошлого столетия в Алабаму, где царит ну-нлукс-нлан, а неугодных жен и дочерей запирают в психушку.

«Дождись ее, дождись девушки-жимолостницы. Думаю, она найдет тебя. А если нет, найди ее сама», — говорит перед смертью мать героини. Что это значит, совершенно непонятно, но постепенно Алтея узнает, что Джин делала лучшее вино из жимолости в округе...

«Девушку жимолости» трудно назвать триллером. Впрочем, это и не психологический роман. Скорее, магический реализм, заставляющий читателя заглянуть в прошлое и увидеть, насколько близко от нас «темные времена».

